

Ирина
Тумиркина

С НЕИСПИСАННОГО ЛИСТА

ОТКАЗНИЦА

I

Ты останешься здесь, в этой сплошной тиши.
 Не дыши этим воздухом вымерзшим, не-ды-ши,
 Не смотри, как белеют вены – в них лёд и снег.
 Тянет руки к тебе ангел ли, человек:
 Силуэт его будет больно глаза слепить.
 Отпусти же, прошу, девочка, эту нить,
 Что нас вяжет с тобой крепко одним узлом.
 Мне любить – не тебя, не с тобой возвращаться в дом,
 Где герань на окне набирает свой первый цвет:
 Нет тебя в этом мире, попросту – слышишь? – нет.
 И хвостом не ходи в обесцвеченных болью снах.

II

Разрастается, как повилика, горчащий страх,
 Проникает вовнутрь и сеет своё зерно –
 Обязательно выносишь то, что тебе дано:
 Пустоту безымянную бездетного живота.
 Начала бы всю жизнь с неисписанного листа,
 Да слова пересохли в горле, скатались в ком.
 Не того ты любила, не с тем возвращалась в дом,
 Где герань на окне с тех пор потеряла цвет –
 Больше нет ничего, и тебя в этом мире нет.

* * *

Грязный снег, перемешанный с глиной,
 Прилипал тяжело к сапогам.
 Я смотрела в сутулые спины
 Посторонних, по здешним местам

Разбредавшихся – это повод
 И свою навестить родню.
 Пробирался колючий холод
 В оголённую душу мою –
 Леденела, и я леденела
 И шептала: «Прощай, прости».
 Долго-долго потом летела
 В пропасть чёрную из горсти
 И об дно ударялась глухо
 Часть меня.
 Не достать – смирись.
 И стоящая здесь старуха
 Тихо молвила: «Это жизнь».

* * *

так лодка застыла, а горе-рыбак
 не видит, что дёрнулась леска –
 ему безразлично куда было, как
 из дома сбежать.

перелески
 зелёным по карте – пятно за пятном,
 а синими нитями – реки.
 мы с рыболовом молчим об одном –
 мы тоже, как вы, человеки

с прорехой в кармане, с дырой в кошельке,
 с хронический горечью в плотке.
 я тоже сбежала б вот так, налегке:
 в рыбацкой резиновой лодке

просто плыла бы – неважно куда,
 от берега дальше и дальше,
 а звуки и страхи смывала б вода
 до слоя, где ты настоящий.

взглядишься в своё отраженье в воде –
 что-то внутри шевельнётся:
 настолько становишься близок себе
 и ближе к палящему солнцу.

ладонью коснись – расплывётся пятном,
 только нетронутым будет
 горе-рыбак,
 и ты с ним заодно,
 как рыбы в стеклянной посуде.

* * *

Остановите Землю – я сойду
На станции с названием Катманду,
Пока от этой тряски не упала
С высокой полки сонная душа.
В кармане нет ни спичек, ни гроша,
Как у несчастных жителей Непала.
Но им до их несчастий всё равно:
По праздникам они едят Мо-Мо
И худощавым молятся коровам,
И жгут на грязных улицах костры.
Их лица темнокожие остры
Да так красивы в сполохах костровых,
Что хочется ещё быстрее сойти
С ума, с орбиты, с этого пути
Свернуть, пока другими не замечен,
Туда, где даже для чумных собак
Плетут венки и преподносят в знак
Любви обыкновенной человечьей.

* * *

...А с изнанки земля – это белые-белые дали,
То ли пухом, а то ли снегом занесены.
Неизвестность страшит, но так хочется тронуть руками
И, вдохнув глубоко, почувствовать вкус белизны.

Иногда белый цвет сменяется жёлтым и серым –
Это значит, что кто-то зажжёт путеводный фонарь
И по рыхлым сугробам идёт, одинокий и смелый,
Через вязкую хмарь.

Но взглядишься туда – и увидишь лишь облака контур,
Обведён то ли мелом, то ли белым карандашом.
А по самому краю вдоль линии горизонта
У изнанки земли потайной расходится шов.

* * *

Мой родной человек, береги же себя, береги.
Пусть расходятся в небе от птицы летящей круги,
Ты на них не смотри, чтоб не видеть, как птица умрёт:
Оборвётся внезапно её безупречный полёт –
Будет с неба вода литься тридцать четыре дня,
А осколки её по земле разлетятся, звеня.
Ты их не собирай, на мерцающий свет не смотри –
Берегись. Сбереги то, что греет тебя изнутри.

* * *

мы сидели на берегу и слушали море
как оно говорило с нами шёпотом
слова покачивались на волнах
и плыли и плыли к нам
их прибывало к ногам с мягкой пеной
ты зачерпывал её вместе с песком
пропускал сквозь пальцы
оставляя в тёплой ладони только слова
маленькие и гладкие камешки
протягивал их мне улыбаясь
я подставляла ладони
собирала в пригоршню и разглядывала
такие разные по форме и содержанию
но такие одинаково тёплые
после когда погаснет свет море затихнет
и не останется никого вокруг
я буду перебирать эти слова менять местами
пока не сложится предложение
о нас и о море которое было так близко
жаль что мы с тобой не умеем плавать

* * *

Не обещай, не говори про это.
Пусть долго длится солнечное лето,
Пусть августовский свет не угасает —
Он как маяк. Его зажгли мы сами,

Чтоб в этой темноте не сбиться с курса.
Пока другие больно расстаются,
Теряются и навсегда уходят,
Мы держимся за свет на небосводе —

Гори, гори, пока мы не доплыли
До берега заоблачного или
Пока не отлюбили до молчания.
Не говорить об этом обещай мне.

* * *

Напиши письмо и брось его в долгий ящик.
А пока летит оно медленно в никуда,
Ты пиши другое: о прошлом и настоящем
И о том, что будет. Ярко горит звезда
Над пологой крышей старой многоэтажки,
И в окне дрожит жёлто-зелёный лист.

Напиши письмо о том, что бывает с каждым,
Кто уходит в ночь и не выходит из.
Ожидание больно – память ещё больнее.
Ты пиши, пиши, пока есть на то слова.
Над постылым городом ярко закат алеет,
И дрожит на старом карагаче листва.
Как пойдёт вода с неба сплошным потоком –
Исписав листок, смело бросай в неё.
Здесь уже давно времени вышли сроки,
Но пока ты пишешь, значит, ещё живём.

* * *

Для кого мне петь, для кого собирать слова
И нанизывать их на язык, как на нитку бусы,
Если всё равно перемелются в жерновах
Тишины – да в пыль?
И не выносить это чувство,
Что растёт внутри – не созреет до срока плод,
Пропадёт таким – недозревшим – на пуповине.
Как вода в реке бессердечно ломает лёд,
Так и речь моя – перемолота.
И отныне
Мне носить в себе этот груз нерождённых слов
Да качать пустые, остывшие колыбели.
Для чего мне петь, если даже на этот зов
Откликается эхо, слышное еле-еле.

* * *

Старый священник сидит у окна,
Пристально смотрит на пустую дорогу,
По которой когда-то в это гиблое место
Приехал его дед,
Позже убитый здесь же – во время гражданской войны.

Стихают звуки органа, доносящиеся из церкви.
Багровое небо медленно догорает.
Едва уловимый свет,
Который бывает только в августе,
Ложится на кроны деревьев и полусухую траву.
Ветер колышет грязную занавеску.

Священник закрывает глаза
И видит, как по дороге
Верхом на взмыленных лошадях
Скачут солдаты с искривлёнными от злости ртами.

Слышится выстрел.
Второй. Третий.
Человек впереди пошатнулся и упал с лошади.

– Я – это мой дед в мгновение смерти.

Слабый свет освещает дорогу,
По которой ползёт повозка,
А на ней – два силуэта.
– Долго же носит человека по свету, –
Доносится в открытое настежь окно.

Старый священник сидит неподвижно,
Откинувшись на спинку стула.
И в зыбком затишье отчётливо слышно, как
Скрипнуло колесо и остановилось.

* * *

Посвящение Линор Горалик

Посмотрев на часы, душа откладывает карандаш,
Подходит к кровати, где лежит молчаливое тело,
Подаёт воды, читает ему «Отче наш» –
Сбивчиво и несмело.

Укрывает его с головой – «Спокойно спи»,
Выключает свет и выходит как можно тише
Из комнаты, забирая с собой листки.
Тело неслышно дышит.

В дверном проёме душа оборачивается, глядит,
Как темнота крошечная поедает тело.
Но оно лежит, руки сложив на груди,
Словно ему нет дела.

Почти бесшумно поворачивая ключ в замке,
Душа открывает дверь, шагает через порожек,
И, сжавшись от холода, идёт належке,
Оставив пальто в прихожей.

* * *

Чего боялась – то произошло:
Перегорела лампочка в торшере.
И в комнате теперь темным-темно,
И снова начинаю страхам верить,

Как в детстве:
Что в углу живёт оно –
Чудовище с ощерившейся пастью.
И лезут сквозь закрытое окно
Другие.
Только как ты ни старайся,
Закрыв глаза, мотая головой,
На помощь звать кого-то и молиться,
Они садятся рядышком с тобой
И не скрывают выцветшие лица.

Вглядишься в их остывшие глаза –
И жалость щиплет душу больно, грубо.
Мне хочется им что-то рассказать,
Но я молчу, сжимая плотно губы.
Смотрите, милые, как темень вьёт гнездо
Под потолком опустошённой спальни,
И как потом появится в нём то,
Чего всегда боялась изначально.

В углу чернеет матовым пятном
Торшерная башка на тонком теле.
Но дело в общем-то совсем не в нём
И не в сгоревшей лампочке в торшере.

* * *

А когда растают щербатый снег да колючий лёд,
То со всех сторон большая вода пойдёт,

Не спасут ни самый высокий холм, ни к нему побег.
И останется только слово одно – «че-ло-век».

Прорастёт из влажной земли зерном, сорняком в полях,
Зацветёт на самых больных деревьях, сухих ветвях,

Засвистит ветрами в раструбах скал да в степной траве,
По слогам, по буквам оставив миру простой завет.

Кто его расслышит среди kloкочущих волн морских,
Разглядит сквозь сизую тьму, когда ему время – миг,

Тот сумеет выжить, подняться сможет на самый верх,
Где ему решительно имя выдадут – «Человек» –

И отправят снова в низину жизни гореть свечой
Для заблудших всех, кто стоял у края к плечу плечо,

Но свершить полёт не хватило духу, а может, сил.
Для таких он будет ярчайшим самым из всех светил,

Поведёт туда, где ветра поют у подножья скал:
«Слушай, слушай, не это ли ты всю жизнь искал?

Посмотри: вода, что о камни бьётся, – живей живых».
А когда заплачет скиталец, станет в ответе тих,

Он прижмёт его, как дитя больное, к своей груди.
Неисповедимы к простому чуду в миру пути.

Гумыркина Ирина Сергеевна родилась в 1987 году в г. Зырянске (Риддер) Восточно-Казахстанской области. Поэт, журналист, редактор. Окончила семинар поэзии Открытой литературной школы Алматы (2017–2018). Лауреат международных литературных конкурсов «Верлибр-2016», «Кубок мира по русской поэзии – 2017», «Хрустальный родник – 2018». Финалист конкурса «45-й калибр» сезонов 2017 и 2018 годов и фестиваля «Русский Stil – 2017» (Германия). Победитель VI Международного литературного конкурса, посвященного памяти писателя К. Симонова (2016), и литературного конкурса фестиваля искусств «Барабан Страдивари» в номинации «Поэзия» (Израиль, 2017). Вошла в длинный список «Русской премии» 2016 года, в лонг-лист литературной премии имени И. Анненского (2019). Публикации в журналах «Плавающий мост», «Простор», «Этажи», «Звезда», «Перископ», «Белая скала», в альманахах «45-я параллель» и «Литературная Алма-Ата», на сайте «Полутона». Живёт в Алматы.

